

От Старцева к Ионычу

Нефедьева Н.

Удивительная вещь – классика!

Перечитывая произведения мастеров слова на новом этапе своей жизни, не перестаешь удивляться тому, что заново открывается в процессе чтения. Примером могут стать рассказы А.П.Чехова. Они дают возможность оценить нынешнее время, критерии, которыми определяются жизненные интересы, действия, когда материальные ценности берут верх над духовностью, когда ради наживы человек не жалеет даже себя самого. Особенно интересен в этом плане рассказ «Ионыч».

Написан он в 90-е годы XIX века. В это десятилетие в творчестве Чехова все слышнее мотивы движения, перемен. Герои Чехова испытываются причастностью к жизни, своей способностью услышать время, понять вопросы времени, определяются качеством мечты и способами ее реализации. Но ведь все это проблемы и нашего времени. Поэтому подходы к изучению рассказа «Ионыч», пониманию сути главного героя могут быть разными.

Если каждое художественное произведение мы оцениваем с позиции единства содержания и формы, то, говоря о содержании, можно поставить следующую цель: проследить, как человек, поднимаясь по ступеням вверх по лестнице материального благополучия, еще быстрее катится вниз к моральному опустошению; проследить, как меняется его отношение к людям; увидеть картины падения человека, чтобы не повторять его ошибок. Сегодняшняя жизнь дает очень много конкретных примеров подобной деградации.

До этого рассказа мы видели, как Чехов осуждал паразитизм, жизнь за чужой счет, считая, что этот образ жизни уродует душу человека, ведет к духовной смерти. А в рассказе «Ионыч» ситуация иная: человек работает, не жалея себя, забыв про отдых, но все это он делает ради наживы. Такой образ жизни и мыслей тоже ведет к духовной смерти, к оскудению личности.

Рассказ состоит из пяти глав, и каждая из них раскрывает новый этап в жизни героя по имени Дмитрий Ионыч Старцев – в первых главах и по прозвищу Ионыч – в последней. События излагаются в хронологической последовательности, их разделяют незначительные сроки, но за эти маленькие промежутки времени происходят большие перемены в жизни и облике героя. Сюжет развивается тем быстрее, что фон (город С. и семейство Туркиных), на котором разворачивается действие, остается совершенно неподвижным от начала до конца. Время идет, а жизнь в доме Туркиных стоит, как заколдованная, точно время минует их. Уже в первой главе настораживает замечание автора о главном герое, что он поддается общему увлечению, оценивая мастерство Котика. Кажется, ничто пока еще не предвещает краха, но это слово невольно обращает на себя внимание, как другие замечания автора: своих лошадей у него еще не было; «Когда еще я не пил слез из чаши бытия...» (строки из романса). Будут и лошади, притом тройка с бубенчиками, и кучер в бархатной жилетке, и будут слезы. Но это потом. А пока он молод, здоров, у него интересная работа, благородная цель – помогать страдальцам, служить народу. Он полон надежд, ожидания счастья, не чувствует усталости. Это то, что называют ароматом молодости. Хотя эпиграфом по всему повествованию лучше всего подойдут слова самого Ионыча: «Как мы поживаем тут? Да никак. Старимся, полнеем, опускаемся». Их скажет герой чуть позже, когда еще не потеряет способности давать честную оценку своим действиям.

В рассказах Чехова часто встречаются интересные характеристики жизни: сонная, куцая, бескрылая, бесцветная. Думается, что все они точно выражают тот процесс, что происходил с молодым доктором. Если в I главе, которую можно назвать экспозицией, дается только намек, то во II он уже жертва, хотя до гибели еще далеко.

Сцена несостоявшегося свидания на кладбище дает понять, что иллюзия кончилась. «Я устал», – говорит он, и читателю становится грустно, обидно и жаль Старцева, который еще так недавно возвращался домой улыбаясь. Нам не хочется прощать ему ни его рассудительности, ни его солидности, и становится досадно, что он утратил прежнюю свежесть и непосредственность. Глава III – это новый и переломный момент жизни доктора: начало заката его молодости и обозначившейся меркантильности, когда он думает не о любимой, а о приданом, когда предает юношескую мечту и идею, заложенную в его профессии («К тому же, если ты женишься на ней, <...> то ее родня заставит тебя бросить земскую службу и жить в городе... Ну, что ж? В городе, так в городе»).

Автор обращает внимание и на то, как был одет Старцев («Одетый в чужой фрак и белый жесткий галстук, который как-то все топорщился и хотел сползти с воротничка, он в полночь сидел в клубе...»). Автор не щадит Старцева, потому что он больше не любит своего героя, вступившего в новую фазу своей жизни. Его слова о любви, сказанные Котику, совсем не сходились с мыслями о приданом, которые крутились в его голове, когда он нанес визит Туркиным, чтобы сделать предложение. Страдал Старцев после отказа Котика всего три дня: «Сердце его перестало беспокойно биться и, видимо, навсегда».

Четыре последующих года (всего четыре!) принесли Старцеву большую практику, тройку лошадей с бубенчиками. Он не ходит среди людей, а ездит мимо них. В Пантелеймоне, как в зеркале, расплывчато отражается Старцев: чем больше (Пантелеймон) рос в ширину, тем печальнее вздыхал, – не то же ли происходило и со Старцевым? Только Старцев молчал, не вздыхал и не жаловался – жаловаться было некому и даже просто поговорить было не с кем. В гостях «Старцев избегал разговоров, а только закусывал и играл в винт, и когда заставал в каком-нибудь доме семейный праздник и его приглашали откусать, то он садился и ел молча, глядя в тарелку; и все, что в это время говорили, было неинтересно, несправедливо, глупо. Он чувствовал раздражение, волновался, но молчал».

Каковы его новые развлечения, если от театра, концертов он уклонялся? Самым сильным, кроме карт, было развлечение, в которое втянулся незаметно, это – по вечерам вынимать из карманов бумажки, добытые практикой. Семь строк, – а какая картина нравственного падения человека! А каков запах денег! Здесь и горе, и страдание, и слезы, и тревоги, и надежды, и смерть. Он копит деньги, а не впечатления от жизни. Он не читает в них страницы человеческих судеб, он их считает. В этом полное отчуждение от людей, и это страшно.

Что пока еще осталось от прежнего Старцева? Безусловно, ум, который выделяет его из числа обывателей; остались убеждения, их хоронил в глубине души; осталось трудолюбие, но оно теперь стимулировалось не благородными стремлениями, а интересами наживы, о чем он сам говорит так: «Днем нажива, а вечером клуб». Лечение сельских больных стало второстепенным, здесь он принимал поспешно, а главное – городские больные, которые платят наличными. Осталась энергия, но она обратилась в суету в погоне за наживой (каждое утро уезжал, а возвращался домой поздно ночью). Осталась способность наслаждаться. Но чем? В молодости – природой, беседами с Котиком, любовью к ней, позднее – удобствами, а теперь пороками: игрой в карты и стяжательством. Понимает ли Старцев, что с ним происходит? Дает ли отчет своим действиям? Пожалуй, да. Когда Котик, вернувшись из Москвы, стала говорить, что она неудачница, что жила иллюзиями, а у него настоящая работа, благородная цель в жизни, то она помнит, как он любил говорить о своей больнице, что это счастье – быть земским врачом, помогать страдальцам, служить народу, он вспомнил про бумажки, которые о вечерах вынимал из карманов с таким удовольствием, и огонек в душе погас. Теперь уж точно навсегда.

В последней главе автор показывает нам, насколько изменился Старцев не только внешне, но и внутренне. Он потерял всякое уважение к людям, он бесцеремонен, когда обходит дом, назначенный к торгам, когда кричит на пациентов и стучит палкой в пол. Десятиклассники хорошо понимают, зачем он купил два дома и присматривается к "третьему. Но на вопрос, совместимы ли труд врача и коммерция в том виде, что показана через Ионыча, не все могут ответить, так как нынешние дети не видят минусов в таком союзе. А Чехов еще в

90-е годы XIX века заставлял думать об активной гражданской позиции, ответственности человека за свой труд, профессию, место в жизни и обществе. Это хорошо понимал М.Горький и писал Чехову: Огромное Вы делаете дело Вашими маленькими рассказчиками – возбуждая в людях отвращение к этой сонной, полумертвой жизни...»

Рассказ «Ионыч» актуален по всем статьям. Труд врача и нажива – понятия несовместимые. Так должно быть, хотя обратных примеров наша сегодняшняя жизнь дает много. Отсюда и равнодушные, доходящее до бездушия, черствость – до жестокости, грубость – до хамства. В эпоху нынешних перемен можно увидеть все, и задача учителя состоит в том, чтобы ученики поняли и оценили не только героя, не только его принципы, но и соотнесли бы с тем, что встречается в жизни все чаще и чаще.

Но при осмыслении рассказа «Ионыч» можно продумать и другой аспект, связанный с его художественным своеобразием, построив разговор на изучении времени. Категория времени может быть выделена даже как основная. Если ученик поймет движение времени, то все, что происходит со Старцевым, он тоже поймет.

Итак, в рассказе использовано время в 10 лет. На поверхности ясно видно будто бы поступательное движение: молодой герой – мужание – старость. А в глубине обратное движение: от живых реакций к омертвлению, потере нормальных человеческих чувств. И заглавие предвосхищает финал.

Повествование рассказа ведется в главе V, последней, в настоящем времени, а в главах I-IV – в прошедшем. Это композиционное построение тоже интересно, так как именно в главе V временной центр повествования. Здесь наиболее ярко выражено отношение автора к герою. В главах I-IV – экскурс в прошлое, где анализируется обстановка жизни и внутренние ресурсы доктора Старцева, которые привели его к Ионычу.

Как подчеркивает автор наличие двух временных пластов – прошлого и настоящего? В рассказе постоянно повторяются слова: еще, уже, прежде, теперь, повторяются ситуации, поступки, движения и мысли. Например, время оставляет свою печать на внешнем облике Веры Иосифовны; Иван Петрович совсем не меняется, он застыл и физически, и духовно. Более сложными оказались отношения со временем у Котика: меняется и ее внешность, и внутренний мир, произошла переоценка ценностей. Она смогла понять свою ординарность, но отношение ее к Старцеву прежнее: желаемое принимается за действительное.

Почему наибольшему испытанию временем подвергается главный герой? Старцев не выдерживает испытания временем, не выдерживает проверки на сопротивляемость футлярной среде, хотя считает, что на обывателей не похож (глава IV: «Старцев бывал в разных домах и встречал много людей, но ни с кем не сходилась близко. Обыватели своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своим видом раздражали его»). И в конце главы IV – о семье Туркиных: «Все это раздражало Старцева. Садясь в коляску и глядя на темный дом и сад, которые были ему так милы и дороги когда-то, он вспомнил все сразу – и романы Веры Иосифовны, и шумную игру Котика, и остроумие Ивана Петровича, и трагические позы Павы, и подумал, что если самые талантливые люди во всем городе так бездарны, то каков же должен быть город»).

Имел ли он право на такое мнение в I главе? Да. В главе I отношение автора к происходящему совпадает с отношением Старцева. Он упоения в отношении к Туркиным не испытывает. У него есть свои идеалы, мечты. А вот в главе IV Старцев теряет это право, он только по инерции отличает себя. Он не видит изменений в себе. Он застывает во времени, как и каламбуры Ивана Петровича.

Именно в этот период жизни проходит Старцев испытание на любовь. Из всего потока времени, отпущенного на жизнь Старцева (10 лет), автор выделяет два дня, страницы из глав II-III, где он рассказывает о любви героя. Именно в эти два дня проявились те свойства натуры, которые могли бы вывести его из среды обывателей, и те, которые не смогли противостоять («Я не видел вас целую неделю, <...> а если бы вы знали, какое это страдание! <...> я не слышал вас так долго. Я страстно хочу, я жажду вашего голоса». «Она восхищала его своей свежестью, наивным выражением глаз и щек... она казалась ему очень умной... С ней он

мог говорить о литературе, об искусстве, о чем угодно...». И в этой же главе чуть дальше: «...к лицу ли ему, земскому доктору, умному, солидному человеку, вздыхать... делать глупости... К чему поведет этот роман? Что скажут товарищи, когда узнают?»). Когда человек начинает задавать подобные вопросы, значит, в отношениях что-то не так, как должно быть, если это любовь. И не удивляет финал главы II: «Я устал... Ох, не надо бы полнеть!». Небольшая глава, но как емко сказано о переменах в докторе Старцеве, об обозначившихся противоречиях.

В главах II-III автором внимательно исследуется кульминационный момент, связанный с любовью героя, потому что для чеховских героев именно любовь часто становится испытанием на прочность, на звание личности. Любовь – это выход в мир, так как в любви человек становится внимательнее к жизни вообще. Так и влюбленного Старцева начинают волновать философские вопросы, состояние души. Он не только открывает мир, но и сам доступен миру. Но огонек гаснет. Кто повинен в том, что кусочек рассудка погасил этот огонек? Екатерина Ивановна? Старцев? Нет. Причина тому – обедненность чувств. Рядом с его восторженным состоянием стоят прозаические вопросы. Это готовит читателя к тому, что гармонии не будет. И еще интересна повторяемость ситуаций, когда герои меняются ролями: Старцев – Котик, Котик – Старцев. Это помогает понять иллюзорность мечтаний и реальность.

Десять лет вместил рассказ. И целую жизнь. Если жизнь можно вместить в рассказ, то чего она стоит? Теперь даже Иван Петрович смотрится более живым и способным на проявление чувств, чем доктор Старцев.

Идет время, меняются нравы и обычаи, а творчество Чехова остается необыкновенно актуальным. И если одна из задач школьного процесса образования – воспитание лучших качеств личности, то Чехов здесь незаменим.

ЦГТБ имени А.П.Чехова